

У Н. В. ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО НА ПРАКТИКЕ

Валерий Сойфер,

*доктор физико-математических наук,
иностраннный член Национальной Академии наук Украины,
почетный профессор МГУ,
заслуженный профессор эмеритус Джордж-Мейсонского
университета (США)*

Валерий Сойфер

Общаясь в студенческие каникулы с профессором Сергеем Сергеевичем Четвериковым в тогдашнем городе Горьком, а в учебное время в Москве с академиком Игорем Евгеньевичем Таммом, я услышал от них имя Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (буду далее писать Т.-Р.). Он был в 1920-е годы учеником Четверикова и с 1925 года жил в Германии, куда попал при нетривиальных обстоятельствах. После смерти Ленина кто-то в советском правительстве решил, что у него должен быть особо устроенным гениальный мозг (вскоре, правда, было найдено, что ткани ленинского мозга необратимо деформированы и даже редуцированы в результате тяжелой болезни). В СССР

пригласили из Германии Оскара Фогта, директора двух немецких институтов — Исследований мозга имени кайзера Вильгельма и Неврологического при Берлинском университете. Как мне рассказал Четвериков, Фогт, приехав в начале 1925 года в Москву, согласился помочь организовать в СССР всестороннее изучение мозга Ленина, а пока, не отлагая дела в долгий ящик, предложил начать нужные исследования в Берлине. Как утверждают сегодня сотрудники Института мозга в Москве, мозг Ленина до сих пор хранится в их здании в комнате № 19.

Фогт был так воодушевлен достижениями Четверикова в генетике, что попросил его порекомендовать кого-то из своих учеников для переезда на время в Берлин, чтобы поднять уровень генетических исследований в Германии. Четвериков сказал мне, что он объявил о такой возможности, и его ученик Коля Т.-Р. изъявил желание отправиться в Германию со своей женой Еленой Александровной (урожденной Фидлер), которую десятилетиями муж величал Лёлькой. Вскоре в Германию по протекции Четверикова поехал еще один его ближайший ученик — Сергей Романович Царапкин. Об этих переговорах и рекомендациях Сергея Сергеевича свидетельствует также его письмо Фогту, посланное 3 июня 1926 года¹.

Согласно разным воспоминаниям, с середины 1930-х годов Т.-Р. не раз порывался вернуться в СССР. Но ему переслали по дипломатической почте (как говорил мне Т.-Р., через шведского посла) письмо Н. К. Кольцова, в котором учитель предупреждал ученика, что после возвращения его, скорее всего, ждет арест и, возможно, казнь и что лучше оставаться в Германии. Сейчас есть указания на то, что и Н. И. Вавилов передавал Т.-Р. сходные советы. В

¹ Сб. «Научное наследство», 2002, т. 28, изд. «Наука», стр. 220–222.

результате Т.-Р. с женой и сыном, так же, как Царапкины, прожили в Германии до окончания Второй мировой войны².

Т.-Р. в годы жизни на Западе стал известным генетиком, особенно в области радиационной и популяционной генетики, установил дружеские отношения со многими учеными, включая Нильса Бора. Сначала он просто использовал облучение как инструмент для индукции мутаций, потом включился в изучение повреждающего действия радиации. Его ближайший друг Николаус Риль (сын германского инженера, приглашенного компанией Siemens работать в конце XIX века в Россию и женившегося на русской женщине) учился до 1927 года сначала в Санкт-Петербургском политехе, а затем в Берлинском университете имени Гумбольдта. Он был специалистом в ядерной химии, задействован в германском проекте по созданию атомной бомбы и часто приезжал к Тимофеевым домой, где они общались по широкому кругу научных и человеческих проблем. Таким образом, пусть формально Т.-Р. и не был задействован в германском урановом проекте, но очень близкое знакомство с этим проектом у него было, тем более, что его исследования процессов повреждения наследственных структур живых организмов различными видами излучений были важны физикам-ядерщикам. Работавший вместе с Т.-Р. в Берлине И. Б. Паншин свидетельствовал³, что Риль сразу после войны передал СССР огромный объем информации о немецких атомных разработках и был немедленно включен в советскую атомную программу (даже удостоился звания Героя Социалистического Труда, дважды ему была присуждена Сталинская, а затем и Ленинская премии; после десятилетнего пребывания в СССР он репатриировался в ФРГ). Заместитель Берии по руководству советской атомной программой СССР А. П. Завенягин знал Т.-Р. и, когда тот, осужденный на десять лет и помещенный в лагерь для заключенных, был уже близок к

² 29 декабря 1990 года сноха С. Р. Царапкина прислала мне следующее письмо в ответ на мою просьбу рассказать подробнее о жизни русских ученых в Германии: «Сергей Романович Царапкин был генетиком с хорошими знаниями математики, особенно вариационной статистики, что немало помогало ему в научной работе. После окончания университета он начал работать в институте экспериментальной биологии, где работал под непосредственным руководством Н. К. Кольцова. В 1926 году он был откомандирован в Германию для работы в Институте мозга. Там он встретил вновь приехавшего раньше Н. В. Тимофеева-Ресовского. С самого начала, еще когда занимались в группе у С. С. Четверикова, взаимоотношения у них не сложились дружескими, а дальше и совсем испортились. В 1932 году Т.-Р. участвовал в Международном генетическом конгрессе в США. Сергей Романович и другие сотрудники лаборатории Т.-Р. дали ему свои материалы для представления на конгрессе, Т.-Р. представил их от своего имени, не упомянув других авторов. Разразился, после возвращения, скандал, даже сам Фогт высказал публично свое мнение по этому инциденту. Были и другие эпизоды, характеризующие несовпадение мнений Сергея Романовича и Т.-Р., которые привели к тому, что Т.-Р., будучи руководителем лаборатории, практически не давал никакой возможности работать, постоянно изменяя и отменяя тематику, над которой начинал Сергей Романович работать. Затем эти направления появлялись заново в лаборатории, но с подачи Т.-Р. По вынужденным обстоятельствам Сергей Романович и Т.-Р. оказались в одном месте в СССР, в лагере и п/я 33/6. Отношения не улучшились, а наоборот. В конечном итоге Т.-Р. получил лабораторию в Свердловске, а семью Царапкиных выслали в г. Кустанай доотбывать ссылку. Сергей Романович не смог заниматься наукой, работал учителем всех предметов. В 1957 году, отбыв срок, Царапкины переезжают в г. Рязань, куда им было разрешено выехать. Эта ссылка окончательно подорвала здоровье свекра и 15 января 1960 года, после очередного инфаркта, он умер» (цитировано по имеющему у меня письму К. А. Царапкиной).

³ 29 декабря 1990 года сноха С. Р. Царапкина прислала мне следующее письмо в ответ на мою просьбу рассказать подробнее о жизни русских ученых в Германии: «Сергей Романович Царапкин был генетиком с хорошими знаниями математики, особенно вариационной статистики, что немало помогало ему в научной работе. После окончания университета он начал работать в институте экспериментальной биологии, где работал под непосредственным руководством Н. К. Кольцова. В 1926 году он был откомандирован в Германию для работы в Институте мозга. Там он встретил вновь приехавшего раньше Н. В. Тимофеева-Ресовского. С самого начала, еще когда занимались в группе у С. С. Четверикова, взаимоотношения у них не сложились дружескими, а дальше и совсем испортились. В 1932 году Т.-Р. участвовал в Международном генетическом конгрессе в США. Сергей Романович и другие сотрудники лаборатории Т.-Р. дали ему свои материалы для представления на конгрессе, Т.-Р. представил их от своего имени, не упомянув других авторов. Разразился, после возвращения, скандал, даже сам Фогт высказал публично свое мнение по этому инциденту. Были и другие эпизоды, характеризующие несовпадение мнений Сергея Романовича и Т.-Р., которые привели к тому, что Т.-Р., будучи руководителем лаборатории, практически не давал никакой возможности работать, постоянно изменяя и отменяя тематику, над которой начинал Сергей Романович работать. Затем эти направления появлялись заново в лаборатории, но с подачи Т.-Р. По вынужденным обстоятельствам Сергей Романович и Т.-Р. оказались в одном месте в СССР, в лагере и п/я 33/6. Отношения не улучшились, а наоборот. В конечном итоге Т.-Р. получил лабораторию в Свердловске, а семью Царапкиных выслали в г. Кустанай доотбывать ссылку. Сергей Романович не смог заниматься наукой, работал учителем всех предметов. В 1957 году, отбыв срок, Царапкины переезжают в г. Рязань, куда им было разрешено выехать. Эта ссылка окончательно подорвала здоровье свекра и 15 января 1960 года, после очередного инфаркта, он умер» (цитировано по имеющему у меня письму К. А. Царапкиной).

смерти, распорядился в 1947 году перевести его из лагеря (Тимофеев говорил мне как-то, что он был в тот момент в лагере на Памире) в месторасположение «шарашки» в Сунгуле вблизи Касли на Урале, где советские власти с 1946 года начали разворачивать научный центр в составе советской атомной программы. Здесь был построен комбинат по производству плутония, позже названный «Комбинатом „Маяк“». Неподалеку, в центре Ильменского заповедника, был создан также секретный лагерь для заключенных-ученых, «шарашка», куда и привезли еле живого Т.-Р. («Он не мог стоять на ногах, его внесли в корпус на простыне»⁴). В этой «шарашке» оказались не только русские, но и пленные немецкие ученые, когда-то работавшие с Т.-Р. в Германии, — Карл Циммер, Николаус Риль, Ганс Борн, Александр Кач и другие.

Услышав о Т.-Р., я загорелся мечтой попасть на летнюю практику в его лабораторию, о чем сказал и Тамму, и Четверикову. Вместе со мной захотели поехать студенты кафедры биофизики физического факультета МГУ, куда я перешел в декабре 1957 года из Тимирязевской академии, — Валерий Иванов, Андрей Маленков, Андрей Морозкин и мой ближайший друг из Тимирязевки Саша Егоров. Таким образом, мне удалось сколотить компанию из пяти человек.

Но как туда попасть? Тамм был знаком с Т.-Р. (он в 1956 году пригласил его приехать из Свердловска, где тот заведовал лабораторией в составе Уральского филиала АН СССР, в Москву на семинар Капицы в Институте физических проблем и выступил с ним при огромном стечении народа, вызвав прилив ярости у Лысенко, о чем тот мне поведал при одной из наших встреч), но непосредственной связи с ним у Тамма не было, и помочь в организации поездки он не мог. Правда, Игорь Евгеньевич сразу же сказал мне, что даст Саше Егорову и мне денег на железнодорожные билеты от Москвы на Урал и обратно и на нашу жизнь на Урале, за что я был ему очень признателен.

Поэтому надо было каким-то иным образом пробиваться к Т.-Р., но как это сделать, я не знал. Вскоре после того, как я поделился с Четвериковым этой мечтой, я получил от него заботливое, совершенно родное письмо, в котором одобрялось мое желание⁵. Он писал мне, в частности:

Дорогой Валерий Николаевич! Вы должны чувствовать, как глубоко и горячо должна интересоваться меня и Ваша собственная судьба и предпринятое Вами дело. Я очень привязался к Вам и всякое событие в Вашей жизни, всякий успех или неуспех глубоко меня радует или огорчает; поэтому не забывайте меня, старика, и хотя непосредственной деловой поддержки Вам я и не могу оказать почти никакой, но пусть Ваша душа чувствует, что где-то там, в Горьком, есть человек, который пристально и с большим участием следит за Вашей судьбой...

*Искренне Вас любящий
С. Четвериков*

Позже мне стало известно, что Четвериков написал Т.-Р. письмо с просьбой принять нас на практику⁶.

Через месяц от Четверикова пришло письмо (от 28 мая 1958 года), в котором он сообщил, что Т.-Р. «слышал о студентах-физиках что-то хорошее в Москве от академика Тамма» и согласен принять нас на летней базе в Ильменском заповеднике. Мы собрались в дорогу и 2 июля 1958 года и рано утром следующего дня добрались до Миасса. Там мы нашли здание дирекции Ильменского заповедника, спросили о том, есть ли у них какие-нибудь сведения об автомашине, которую должны были прислать за нами из биостанции, и узнали, что никакой машины нет и никто о ней ничего не слышал. После этого мы забросили рюкзаки за спины и

⁴ См. журнал «Уральская новь», 2002, № 13.

⁵ Полностью опубликовано в моей статье в журнале «Новый мир», 2009, № 4, стр. 141–173.

⁶ Опубликовано в сборнике «Научное наследство», т. 28, стр. 324–325).

отправились пешком через заповедник по указанной нам дороге. Предстояло пройти что-то около 15 км, было раннее утро, и мы решили, что к обеду доберемся до места.

Часа через три мы добрались до берега какой-то неширокой реки и решили устроить здесь короткую передышку и завтрак. У меня сохранились фотографии того завтрака, а также снимок Саши Егорова, который, наклонив голову к реке, пил воду из нее.

Отвратительный завтрак на берегу реки Теча в Ильменском заповеднике, когда комары поедали нас. Саша Егоров даже накрылся одеялом, чтобы спастись от их нашествия. Я — справа (фото впервые опубликовано в «Очень личной книге» В. Сойфера, 2011, стр. 269).

К обеду мы действительно добрались до биостанции, где уже беспокоились о том, куда мы пропали. К нам вышел Николай Владимирович, который, несмотря на тучи комаров, щеголял голым торсом, подставляя свежему воздуху и солнцу свою богатырскую грудь с седыми волосами. Его первый же вопрос, заданный тревожным и повелительным тоном, касался того, останавливались ли мы по пути на станцию, и если останавливались, то где. Когда я рассказал, как мы устроили привал на берегу какой-то речки, он заметно забеспокоился.

— Я надеюсь, вы воду из этой речки не пили? — спросил он меня.

— Как же не пили, пили, да еще как! — не понимая его беспокойства, ответил я.

Мои слова сильно встревожили Николая Владимировича. Только спустя какое-то время я понял, в чем было дело. Оказывается, через Ильменский заповедник текла речка Теча, в верховьях которой были построены секретные города с предприятиями по получению обогащенного ядерного топлива и запалов для атомных бомб, а все отходы сливали годами в эту реку, поэтому уровень радиоактивности в тех местах в тысячи раз, а иногда и больше превышал предельно допустимые для человека дозы. В 1957 году, за год до нашего приезда, на комбинате «Маяк» к тому же случилась крупномасштабная, отозвавшаяся на всей планете «Кыштымская» авария, когда взлетело на воздух одно из хранилищ высококонцентрированных радиоактивных

отходов количеством более 20 млн кюри. Взметнувшиеся в атмосферу частицы образовали чудовищное радиоактивное облако и загрязнили дополнительно реку Теча. Поражение охватило огромную территорию в 23 тыс. км² (возник так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след), радиоактивные осадки дошли до Франции и Швеции. Пить воду из реки было опасно, но дело было сделано.

Основной научной проблемой, изучавшейся сотрудниками Николая Владимировича, было как раз поражающее действие облучения. Позже он подарил мне толстый сборник работ его лаборатории, изданный Уральским отделением Академии наук с дарственной надписью, содержащий в основном радиобиологические исследования. По-видимому, его лаборатория оставалась единственным центром в стране, где не переставали заниматься настоящей генетикой. Работы велись под патронажем физиков-ядерщиков, лаборатория была засекреченной, и физики отлично понимали, что радиоактивное облучение требует настоящего генетического анализа.

Несколькими годами позже поездки к Т.-Р. я оказался за ужином рядом с доктором наук Г. А. Середой. В разговоре я упомянул фамилию Николая Владимировича, и вдруг Середа поведал мне, что отлично знал его, так как был директором научного учреждения, чрезвычайно секретного, в котором Тимофеев работал. Он сказал мне, что Т.-Р. совершенно не умел держать при себе сообщенные ему государственные тайны, и когда Середа передал секретный план исследований, которыми надо будет заниматься его группе, узнал через каких-то несколько дней, что секретная информация была сообщена всем участникам группы и распространилась по объекту.

— Николай Владимирович мне заявил, — говорил Середа, — что без ознакомления с генеральным планом исследования невозможно ждать от сотрудников заинтересованного и вдумчивого выполнения работы. Что каждый участник должен знать, к чему следует стремиться и что является конечной целью работы.

Поведал мне Середа и об одном курьезе. Перед новым годом руководителям групп было приказано подать заявку на приборы и химические вещества, которые понадобятся в наступающем календарном году. Подал такую заявку и Т.-Р., указав 15 граммов одного из красителей для цитологических исследований. Краситель этот в СССР не производили, но поскольку секретная «шарашка» была отнесена к высшему государственному разряду, заявки из нее рассматривались как абсолютно необходимые. Машинистка, перепечатававшая окончательно сводную таблицу, вместо сокращения «г» поставила значок «т» (то есть «тонн»). Сводные данные никому на проверку не дали, к нужному сроку на другом секретном предприятии была возведена специальная линия для выпуска нужного соединения, и на Урал ушел груженный пятнадцатью тоннами красителя отдельный вагон. Такого количества краски не нужно было в масштабах всей планеты, с помощью этой «химической гадости» можно было выкрасить все реки и озера на Земле.

Итак, вернусь к рассказу о нашем приезде в Миасово. Нам указали невдалеке от берега озера площадку, на которой нужно было поставить палатку, мы ее установили, и началась наша замечательная практика. Утро следующего дня Николай Владимирович начал с того, что прочел нам лекцию об охране природы. В те годы в стране еще главенствовал лозунг Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», и природу гадили в общегосударственном масштабе (который, правда, не сопоставим с сегодняшними загрязнениями). Т.-Р. уже тогда осознал губительность такого подхода, гневно и красочно повествовал о том, какие капитальные последствия несет на века бездумное истребление лесов, смывание и порча почв, массовое загрязнение вод. Не удивительно, что один из его подопечных — Алексей Владимирович Яблоков — позже стал таким страстным борцом за экологию.

Т.-Р. (справа) готовится поплавать в озере Миасово (фото впервые опубликовано в «Очень личной книге» В. Сойфера, 2011, стр. 277).

Днем позже Тимофеев показал нам, как выращивать мух дрозофил, как готовить корм, как усыплять мух эфиром и подсчитывать мутации. На следующем занятии он дал обзор основных типов мутаций у дрозофилы, затем рассказал о гигантских хромосомах слюнных желез и показал нам, как готовить препараты этих хромосом. Практикум был интересен и полезен. С 8 июля он начал читать нам курс генетики из 15 лекций. Каждая лекция занимала в общей сложности два часа времени (иногда чуть больше) и читалась через день, а в промежутках между ними профессор-математик из МГУ Алексей Андреевич Ляпунов приступил к чтению курса лекций по математической теории групп, теории множеств и их роли в кибернетике. В то время в СССР кибернетика так же, как генетика, была под запретом, и Ляпунов проявлял мужество, популяризируя запрещенную науку (он стал едва ли не самым видным математиком, открыто и честно защищающим эту науку) и одновременно разрабатывая научные основы этой дисциплины. Так что и в этом отношении нам очень повезло.

Лекции Т.-Р. включали следующие разделы (я перечислю их все в том виде, в каком он сам их формулировал, хотя понимаю, что многим читателям не все термины знакомы):

1. Цитология наследственности. Мейоз. Митоз. Фазы клеточного цикла, процесс идентичного воспроизведения, равноправие полов в наследственности. Правила Менделя.
2. Развитие признаков организмов, полигенность многих признаков, ген и потенция развития признака, сцепленные с полом признаки, рецессивные скрещивания, взаимодействие аутосом и гетерохромосом, возможности химического изменения полов у рыб.
3. Кроссинговер. Интерференция кроссинговера. Взаимодействие генов и признаков (физиологическая или фенотипическая генетика). Вар-мутации у дрозофилы и неравный кроссинговер. Эффект положения. «Каждый ген находится в условиях комбинации полей деятельности соседних генов», — говорил он.
4. Феноменология проявления гена. Пенетрантность (% выражения гена) и экспрессивность (степень выражения признака). Выражение признака при моноплоидности,

диплоидности и гетероплоидности. Летальные эффекты. Плейотропия и полярность в изменчивости элементарных признаков.

5. Секториальность соматических мутаций. Морфогенетические связи, роль гормонов и других веществ в проявлении генов.
6. Мутационный процесс. Роль инбридинга в выявлении истинных мутаций. Чистые линии. Генетические основы селекции сортов.
7. Факторы, влияющие на возникновение мутаций в спонтанном мутагенезе. Темпы эволюции и темпы мутирования. Идеи Четверикова относительно накопления рецессивных мутаций в геномах. Факторы активации спонтанного мутагенеза. Хромосомные мутации у дрозофилы. Геномные мутации.
8. Роль гетерохроматина в удлинении хромосом. Анализ мутационного процесса лабораторными методами. Теория мишени. Кривые «эффект — доза». Эффекты времени приложения мутагенов. Кривые насыщения.
9. Обратные мутации. Типы ионизирующих излучений (электроны, нейтроны, протоны, дейтроны и альфа-частицы). Фотопроцессы. Линейная плотность ионизаций и эффекты попаданий. Формальный эффективный объем поражения и энергия абсорбции.
10. Спонтанный мутационный процесс и микроэволюция. Пророческие взгляды С. С. Четверикова на роль накопления рецессивных мутаций в эволюции. Через сколько делений эффект мутаций может быть выявлен на фенотипическом уровне? Стабильность генетических структур и внешние факторы (в частности, температура).
11. Возможные пути эволюции генотипа. Наличие данных, которые противоречат представлению о хромосоме как носителе непрерывной наследственной молекулы (континууме генов). Аллелизм, гомологичная аттракция при конъюгации. Постепенное нарушение гомологичности хромосом в эволюции. Ступенчатые аллели и псевдоаллели.
12. Микроэволюция. Внутривидовая борьба. Количественный анализ геномных преобразований по Четверикову. Основные результаты изучения видов дрозофилы в естественных условиях группой Четверикова на Кавказе и других видов Тимофеевым-Ресовским и его женой Еленой Александровной в Европе.
13. Продолжение лекции о микроэволюции. Элементарные эволюционные явления. Понятие о виде и основные признаки видов. Популяции как представители вида в определенных ареалах. Панмиксии. Стабилизирующие скрещивания.
14. Элементарные эволюционные факторы. Статистический характер эволюционного процесса. «Волны жизни» Четверикова.
15. Естественный отбор. Дивергенция генов. Хвост отбора. Темпы отбора.

Последняя лекция была прочитана 5 августа.

Важнейшей чертой лекций было то, что Тимофеев не только старался донести до нас основные научные идеи, но и выстраивал их хронологически и сыпал именами ученых, вступавших в разное время в исследование тех или иных процессов. Было названо несколько сотен имен. Поскольку со многими из названных он познакомился на Западе лично, то рассказ об истории развития генетических взглядов представал живым и ярким. Никаких записей у Николая Владимировича в руках не было, он читал спонтанно, но в его памяти удерживался такой объем информации, что становилось совершенно ясно: перед нами абсолютно уникальный человек энциклопедических знаний по истории генетики, понимающий генезис генетических взглядов столь глубоко, как, вероятно, мало кто другой на свете. Он часто пользовался мелом и рисовал на доске схемы. Было заметно, что из-за слепоты он многое делает, в сущности, не видя своих рисунков, а по памяти, но тем не менее все рисунки и схемы получались четкими и ясными. Несколько раз я бывал в кабинете Николая Владимировича в

здании лаборатории и видел, что для чтения он брал в руки огромную лупу, диаметром, наверное, сантиметров в двадцать, и с ее помощью пытался читать текст строчка за строчкой. Но ходил он по летней базе без очков, умел различать всех окружающих, и если не знать, что он видит исключительно плохо, то и заметить его слепоту было трудно.

На летней биостанции лаборатории Н. В. Тимофеева-Ресовского в Миасово перед отъездом физиков из Свердловского филиала АН СССР Ю. Плишкина и А. Н. Орлова. Слева направо: Ю. Плишкин, Н. В. Лучник, его жена Н. Порядкова, Н. В. Тимофеев-Ресовский, В. Тимофеева-Ресовская, Н. А. Ляпунова, Н. Тимофеева-Ресовская, на переднем плане (лежит на траве) В. Сойфер. 1958 год (фото впервые опубликовано в книге В. Сойфера «Власть и наука», 1989).

Мы были так восхищены курсом лекций, прочитанных нам в Миасово, что я предложил помощь для организации выступления Николая Владимировича в Москве у нас на физфаке МГУ, а также сказал, что я близко знаком, наверное, с самым тогда выдающимся писателем, опубликовавшим много книг о крупнейших российских ученых, — Олегом Николаевичем Писаржевским. Через три месяца я получил такое письмо:

24.XI.58

Дорогой Валерий!

Мы только к праздникам вернулись из Миасово, где много поработали и написали с Ник. Вл. несколько статей. Он и сейчас занят всякими делами и дописыванием работ. Поэтому отвечаю Вам я.

Отсюда мы на днях поедem в Ленинград, где Ник. Вл. с 3.XII по 20.XII будет читать курс по «популяционной генетике и микроэволюции» в Университете (на кафедре генетики) и параллельно «основы радиационной генетики» в Институте физиологии им. Павлова! В Москве мы будем с 25.XII и, по-видимому, до 10 января. В это время Ник. Вл. с удовольствием прочтет вам, как он только что говорит мне, «сколько угодно

докладов и о чем угодно, всё, что вас интересует». В Ленинграде мы остановимся у Анны Бенедиктовны Гедовой, Б. Пушкарская, д. 346, кв. 2, тел. В-2-51-89. Напишите или позвоните нам туда — когда Вы устроите доклады Николая Владимировича.

С письмом Писаржевского вышло что-то непонятное — оно так долго завалялось в заповеднике, что Ник. Вл. получил его уже здесь, куда его переслали из Миасово. Пожалуйста, извинитесь перед Олегом Николаевичем от имени Николая Владимировича и скажите, что Ник. Вл. очень мечтает познакомиться с ним и подробно поговорить о всяких вещах во время нашего пребывания в Москве (в Москве мы будем жить у Надежды Васильевны Реформатской (Композиторская ул., 25, кв. 2, т. Г-1-30-50).

Всего хорошего. Передайте от нас обоим всем «биофизикам», включая Огурца и Гошу.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Огурцом Николай Владимирович обозвал за крепкую упругую фигуру моего друга из Тимирязевской академии Сашу Егорова, неизменно пользовавшегося особой симпатией ученого.

Елена Александровна не написала мне об очень важном событии, случившемся в тот их приезд в Ленинград. На заседании Ученого совета Ботанического института АН СССР Т.-Р. в декабре 1958 года защитил диссертацию на степень доктора биологических наук (вручению этой степени воспрепятствовал ВАК СССР по лживым политическим доносам лысенковцев). Нужно заметить, что в 1950-х годах Т.-Р. был выдвинут несколькими учеными Запада на Нобелевскую премию, но на запрос Нобелевского комитета Советскому правительству о том, жив ли данный ученый, ответа из Москвы не поступило, и вопрос о присуждении премии был снят с рассмотрения, потому что скончавшимся эти премии не присуждают.

Выступить у нас на физфаке МГУ ему, видимо, очень хотелось, потому что через две недели мне пришло новое письмо, написанное Еленой Александровной:

Ленинград

9.XII.58

Дорогой Валерий!

Николай Владимирович просит написать Вам, что ввиду большого количества лекций и докладов, которые ему придется здесь сделать — мы несколько задержимся здесь и будем в Москве лишь 27.XII утром. Как и когда Вы устроите доклады в Москве — зависит от Вас — мы пробудем в Москве недели две. До скорого свидания. Николай Владимирович шлет Вам и всем вашим сердечные приветы.

Ваша Е. Тимофеева-Ресовская

Заведующий кафедрой биофизики МГУ Л. А. Блюменфельд, которому я передал все полученные от Тимофеевых-Ресовских сведения, вместе с доцентом кафедры С. Э. Шнолем и ассистентом Тусей (Наталей Алексеевной) Ляпуновой договорились в деканате, чтобы лекция Т.-Р. прошла в Большой физической аудитории на Воробьевых горах (она вмещала несколько сотен слушателей и была забита до отказа). Кроме того, я договорился с Дмитрием Дмитриевичем Ромашовым, работавшим в Московском обществе испытателей природы, чтобы секция генетики и селекции провела лекцию Тимофеева в их аудитории в самом центре Москвы (на тогдашней улице Герцена). Интерес к обоим выступлениям был огромный.

Уже после отъезда четы Тимофеевых-Ресовских из Москвы на Урал академик Тамм переговорил с академиком АН СССР В. А. Энгельгардтом, и они вдвоем (зная об успешной защите докторской диссертации) выдвинули Т.-Р. в академики АН СССР. Но еще сильные по влиянию в СССР лысенковцы развернули бурную деятельность по опорочиванию ученого как якобы врага советской державы. Только после удаления Хрущёва с позиции главы большевиков

Т.-Р. сумел в 1976 году успешно защитить докторскую диссертацию по совокупности работ, но членом академии он так и не стал.

В 1975 году в СССР приехал известный генетик Оке Густаффсон из Швеции (он был близко знаком с Т.-Р. в прежние годы), я был назначен ответственным за прием Густаффсона в СССР и предложил президенту Академии сельхознаук (ВАСХНИЛ) П. П. Лобанову устроить его встречу с шведским ученым. Лобанов согласился, а я пригласил на эту встречу Т.-Р. Тот приехал вместе с А. В. Яблоковым и нарушал все правила «официальной церемонии». Лобанов вел себя прекрасно, принимая без раздражения всяческие эскапады Николая Владимировича. Я помню, как в какой-то момент он заявил, что ученые лишь сидят на шее государства, и от них нет нечего, кроме траты не заработанных своим трудом денег на удовлетворение внутренних интересов. Лобанов стал возражать, на что Тимофеев парировал замечательной фразой, врезавшейся навсегда в мою память: «Зарабатывают своим трудом только балетчики, циркачи и шофера-таксисты». Все смеялись, а президент академии лишь огорченно кивал головой.

Когда встреча была закончена, и мы вышли в фойе, Тимофеев с Густаффсоном обнялись, Николай Владимирович прижался к старому другу, подхватил его за лацканы пиджака и стал ему говорить (медленно подбирая слова), что устал жить, что после смерти жены его существование здесь кажется ему зряшным и ненужным. Он заплакал при прощании и, не вытирая слез, только повторял не раз: «I want to be with Lyol'ka» («Хочу к Лёльке»). Сейчас, оставшись без жены, я прекрасно понимаю Николая Владимировича.